

Введение

18 мая 1985 года

Для сотрудников управления контрразведки КГБ — Управления “К” — это была самая обычная работа по установке “жучков”.

Меньше минуты ушло у них на то, чтобы открыть замки на входной двери квартиры на восьмом этаже жилого дома для сотрудников КГБ и их семей по адресу Ленинский проспект, 103. Пока двое в перчатках и комбинезонах проводили методичный обыск квартиры, два техника быстро и незаметно опутывали помещения проводами, внедряли прослушивающие устройства под обои и плинтусы, вживляли включенные микрофоны в телефонную трубку, а видеокамеры — в светильники в гостиной, спальне и кухне. Примерно через час, когда они закончили работу, в квартире не осталось буквально ни одного уголка, где бы у КГБ не выросли глаза и уши. Наконец, эти люди надели маски и распылили на одежду и обувь в шкафу радиоактивную пыль — в достаточно низкой концентрации, чтобы не произошло отравления, однако в такой дозе, чтобы кагэбэшные счетчики Гейгера могли проследить за передвижениями человека, который наденет эту одежду или обувь. Уходя, чужаки аккуратно заперли за собой входную дверь.

Несколько часов спустя рейсом “Аэрофлота” из Лондона в московский аэропорт прибыл старший сотрудник русской разведки.

Карьера полковника КГБ Олега Антоновича Гордиевского переживала расцвет. Виртуоз советской разведслужбы, он неустанно поднимался по карьерной лестнице, успел послужить в Скандинавии, Москве и Британии, и упрекнуть его было практически не в чем. Теперь, в сорок шесть лет, он сделался исполняющим обязанности главы лондонской резидентуры. Это было лакомое назначение, и Гордиевского пригласили в Москву, чтобы его официально ввел в должность председатель КГБ. Профессиональный разведчик Гордиевский имел все данные для того, чтобы подняться в самые высшие эшелоны этой обширной и беспощадной секретной организации, которая контролировала весь Советский Союз.

Приземистый, атлетически сложенный кагэбэшник уверенным шагом шел сквозь толпу в зале аэропорта. Но внутри него тихо клокотал ужас. Потому что Олег Гордиевский, ветеран КГБ, верный сотрудник советский разведки, был британским шпионом.

Завербованный больше десяти лет назад МИ-6 — британской секретной службой внешней разведки, — агент под кодовым именем Ноктон оказался одним из самых ценных шпионов в истории. Огромное количество информации, которой он снабжал своих британских кураторов, помогло изменить ход холодной войны, взломать советские шпионские сети, предотвратить ядерную войну, а еще в чрезвычайно опасный для мировой политики период предоставило Западу уникальную возможность проникнуть в мыслительные процессы, происходившие в Кремле. И Рональду Рейгану, и Маргарет Тэтчер докладывали об исключительно ценных секретных данных, источником которых был русский шпион, но ни американский президент, ни премьер-министр Великобритании не знали его подлинного имени и должности. О двойной жизни Гордиевского не подозревала даже его молодая жена.

Назначение Гордиевского *резидентом* (так по-русски на профессиональном жаргоне называли главу заграничного органа внешней разведки — *резидентуры*) вызвало ликование

в тесном кругу сотрудников МИ-6, посвященных в подробности дела. Еще бы: ведь теперь Гордиевский, сделавшись самым высокопоставленным оперативником советской разведки в Британии, получит доступ к самым потаенным шпионским секретам СССР и сможет информировать Запад о намерениях КГБ еще до того, как тот воплотит их в жизнь. Таким образом, деятельность КГБ в Британии удастся парализовать. И все же внезапный вызов в Москву несколько встревожил команду Ноктона. Кое-кому показалось, что это ловушка. На явочной квартире в Лондоне была спешно устроена встреча, и кураторы из МИ-6 предложили Гордиевскому дезертировать — и остаться в Британии вместе с семьей. Все, кто присутствовал на том собрании, понимали, насколько высоки ставки: если Гордиевский вернется в Лондон официальным резидентом КГБ, тогда, конечно, и МИ-6, и ЦРУ, и их западные союзники сорвут огромный куш, но если Гордиевский угодит сейчас в западню, то лишится всего — и жизни тоже. Он долго и напряженно думал, а потом решил: “Я поеду”.

Тогда сотрудники МИ-6 снова обратились к плану аварийного спасения Гордиевского, носившему кодовое название “Пимлико” и разработанному семью годами раньше, — в надежде, что выполнять его никогда не придется. МИ-6 еще никогда никого не вывозила тайком из СССР — а тут речь шла не о простом перебежчике, а о видном кагэбэшнике! План эксфильтрации, тщательно продуманный и сопряженный с большим риском, предполагалось задействовать лишь в самом крайнем случае.

Гордиевский прошел такую выучку, что способен был сразу заметить опасность. Проходя по залу московского аэропорта с напряженными до предела нервами, он видел признаки опасности повсюду. Пограничник, прежде чем пропустить его, томительно долго разглядывал его паспорт. И где же сотрудник, который должен был хотя бы из обычной вежливости встречать его — полковника КГБ, вернувшегося из заграничной командировки? В аэропорту всегда велся усиленный надзор, однако

сегодня здесь все буквально кишело невзрачными людьми, явно ничем не занятыми. Гордиевский сел в такси и мысленно сказал себе, что, если бы в КГБ знали правду, его бы арестовали сразу же, как только он ступил на советскую землю, и прямо сейчас везли бы в застенки КГБ, где его ждали бы допросы и пытки, а потом — расстрел.

Насколько он мог заметить, хвоста за ним не было. Доехав до своего дома на Ленинском проспекте, он вошел в лифт и нажал на кнопку восьмого этажа. В последний раз он был в своей московской квартире в январе.

Он легко отпер первый замок в двери, потом — второй. Но входная дверь почему-то не открывалась. Она оказалась заперта на третий замок — старомодный засов, относившийся ко времени постройки старой многоэтажки.

Но Гордиевский никогда не пользовался третьим замком. У него даже ключа от него не было. А значит, в квартире побывал кто-то, вооруженный отмычкой, — и потом по рассеянности запер дверь на все три замка. И этот кто-то приходил из КГБ.

Страхи, пережитые за последнюю неделю, вмиг вернулись. Гордиевского сковал ужас: с леденящей, парализующей ясностью он понял, что в его квартиру проникали чужаки, что ее обыскали и, скорее всего, напичкали подслушивающей аппаратурой. Значит, он под подозрением. Кто-то его выдал. КГБ следит за ним. За ним, шпионом, шпионили его коллеги-шпионы.

Часть первая

Глава 1

КГБ

Олег Гордиевский родился внутри КГБ. КГБ его выпестовал, обласкал, вывихнул, искалечил и едва не уничтожил. Советская разведслужба глубоко вошла в его сердце, была растворена в его крови. Его отец всю жизнь работал на разведку и каждый день, включая выходные, носил кагэбэшную форму. Гордиевские жили среди братьев-шпионов, в доме, населенном одними кагэбэшниками, ели особую еду, какую выдавали офицерам КГБ, и в свободное от работы время общались тоже с семьями других разведчиков. Словом, Гордиевский был сыном КГБ.

КГБ — Комитет государственной безопасности — был самым сложным и самым разветвленным разведывательным ведомством, какое когда-либо существовало. Прямой наследник созданной Сталиным шпионской сети, он занимался сбором одновременно и внутренних, и внешних разведданных, обеспечивая внутреннюю безопасность и играя роль государственной полиции. Деспотичный, загадочный и вездесущий, КГБ проникал во все измерения советской жизни и контролировал их. Он искоренял несогласие среди граждан страны, охранял руководство коммунистической партии, проводил разведывательные и контрразведывательные операции против враждебных государств и запугивал народы СССР, держа их в униженном положении. Он вербовал агентов и внедрял шпи-

онов по всему миру, добывал, покупал и выкрадывал военные, политические и научные секреты везде и повсюду. В пору своей наивысшей мощи, насчитывая более миллиона сотрудников, агентов и осведомителей, КГБ влиял на советское общество гораздо глубже, чем какие-либо другие учреждения.

Для Запада эта аббревиатура была синонимом внутреннего террора и внешней агрессии и подрывной деятельности, сокращенным наименованием всей жестокости тоталитарной системы, сосредоточенной в руках безликой официальной мафии. Совсем иначе относились к КГБ те, кто жил под его неусыпным присмотром. Конечно, он внушал страх и повиновение, но он вызывал и восхищение — как своего рода преторианская гвардия, как оплот против западного империализма и капиталистической агрессии, как страж коммунизма. Принадлежность к этой элитарной и привилегированной силе была предметом поклонения и гордости. Те, кто поступал служить в органы госбезопасности, оставались там пожизненно. “Бывших сотрудников КГБ не бывает”, — сказал однажды бывший сотрудник КГБ Владимир Путин. Это был клуб для избранных, войти в него было очень трудно, а выйти — невозможно. Вступление в ряды КГБ считалось честью и долгом для тех, кто был наделен особыми талантами и честолюбием.

Олег Гордиевский никогда всерьез не задумывался ни о какой другой карьере.

Его отец, Антон Лаврентьевич Гордиевский, сын рабочего-железнодорожника, был учителем, а после 1917 года сделался убежденным коммунистом, беспрекословно преданным идеям революции и готовым непреклонно воплощать их в жизнь. “Партия была для него богом”, — напишет о нем позже сын. Старший Гордиевский ни разу не дрогнул в своей верности партийному делу — даже когда партия потребовала от него участия в чудовищных преступлениях. В 1932 году он помогал принудительно “советизировать” Казахстан, организуя экспроприацию у крестьян продовольствия, которое отбирали, чтобы кормить Красную армию и советские города. В итоге разразился мас-

совый голод, от которого погибло около полутора миллионов человек. Антон Гордиевский вблизи видел ужасы голодомора, искусственно устроенного государством. В том же году он поступил на службу госбезопасности, а затем в НКВД — Народный комиссариат внутренних дел, тайную полицию Сталина и предтечу КГБ. Как сотрудник политического отдела, он отвечал за политическую дисциплину и идеологический инструктаж. Антон женился на 24-летней Ольге Николаевне Горновой, работавшей статистиком, и супруги вселились в московский многоэтажный дом, отведенный для семей разведывательной элиты. В 1932 году у них родился первенец — Василий. При Сталине Гордиевские благоденствовали.

Когда товарищ Сталин объявил, что революции угрожает смертельная опасность изнутри, Антон Гордиевский оказался готов к борьбе с изменниками родины. Большая чистка 1936–1938 годов обернулась массовым уничтожением “врагов государства” — мнимых представителей “пятой колонны” и тайных троцкистов, террористов и саботажников, шпионов-контрреволюционеров. Это были партийные и правительственные чиновники, крестьяне, евреи, учителя, военачальники, интеллигенты, поляки, красноармейцы и многие другие. Большинство схваченных людей были совершенно невиновны. В созданном Сталиным параноидальном полицейском государстве самым надежным способом уцелеть стало доноительство. “Лучше пусть пострадают десять невинных людей, чем один шпион ускользнет от расплаты, — сказал как-то глава НКВД Николай Ежов. — Лес рубят — щепки летят”. Осведомители стучали, истязатели и палачи вершили свое дело, а сибирские лагеря заполнялись до отказа. Но, как бывает после всякой революции, исполнители государственной воли тоже неизбежно попадали под подозрение. Следствия и чистки начались внутри самого НКВД. В разгар террора многоэтажный дом, где жила семья Гордиевских, в течение полугода подвергался обыскам больше десяти раз. Аресты происходили по ночам: первым уводили главу семьи, потом исчезали остальные.